

УДК 169**Механизмы опосредованной авторефлексии в рамках возможных и вымышленных миров****Жданко Кирилл Евграфович**

Аспирант,
кафедра философии,
Омский государственный педагогический университет,
644099, Российская Федерация, Омск, Набережная Тухачевского, 14;
e-mail: mail@omgru.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию механизмов опосредованной авторефлексии, возникающих в связи с созданием возможных и вымышленных миров. Рассматриваются две ключевые категории — возможные и вымышленные миры, раскрывается их взаимодействие и взаимозависимость. Обсуждаются роли литературы в формировании представлений о мире. Особое внимание уделяется влиянию культуры интеллектуального досуга и фантазии на конструирование авторских образов. Вводятся понятия модальных и модельных логик, а также анализируется их значение в интерпретации миров и их взаимоотношений, подчеркивая необходимость учета обеих логик для полного понимания художественных практик. Приведены примеры из классической фантастики, демонстрирующие процессы конституирования и генерации миров в творчестве авторов.

Для цитирования в научных исследованиях

Жданко К.Е. Механизмы опосредованной авторефлексии в рамках возможных и вымышленных миров // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2025. Том 14. № 5А. С. 51-60.

Ключевые слова

Возможные миры, вымышленные миры, модальная логика, модельная логика, диалектика, научная фантастика.

Введение

Говоря о создании возможных миров в литературе и культуре интеллектуального досуга, важно понимать, что одной из причин является то, что это способ самого человека попытаться объективно взглянуть на себя со стороны. Для примера, рассмотрим следующую ситуацию: допустим, что у нас есть фотография человека, которая дает нам статичное изображение только одной из его сторон под определенным углом, все остальные стороны человека для нас в данном случае не видны, и мы вынуждены домысливать их на основе представления о видимой части. Однако если мы проведем съемку с разных ракурсов, создав тем самым несколько изображений, то в итоге сможем получить более полную и объективную картину. Таким образом, мы можем сделать вывод, что основной мотивацией для создания различных возможных миров и население их сущностями, отличными от нас по способу мышления и коммуникации, выступает потребность человека в отстраненной авторефлексии. Подобное мы можем наблюдать практически во всех направлениях искусства, но особенно ярко данный феномен проявил себя в литературе, в первую очередь в фантастической прозе. В первую очередь в жанрах сатиры и утопии. Авторы обостряют и гиперболизируют те или иные человеческие, чтобы отразить проблемы, пороки или же, наоборот, достоинства человека, помещая его в различные ситуации, искажая и расщепляя реальность вокруг него на множество отдельных миров, каждый из которых работает по собственным законам. Таким образом, человек выбивается из колеи и вынужден показывать свои, ранее скрытые от других, черты. Непривычные условия выступают в качестве стимула для проявления всех сторон его личности. Вернемся к примеру с фотографией, дабы проиллюстрировать данное суждение. Ранее мы уже сказали, что в случае с одиночной фотографией мы будем наблюдать лишь одну из его сторон, при этом изображение будет показывать лишь то, что хотел показать нам человек на ней. Схожим образом в своей повседневной жизни мы демонстрируем окружающим только определенные черты нашей личности, воплощая юнговский архетип маски. Соответственно, представление, созданное о нас посредством подобного притворства, не будет близким действительности. Прикрытию этой маской и созданию определенного образа в глазах других людей способствуют нормы поведения, которым она соответствует (в ряде случаев, наоборот, не соответствует; в зависимости от намерений самого человека). В свою очередь эти нормы поведения являются принятыми в обществе и выражают законы нашего мышления. Таким образом, мы можем заключить, что опосредованная авторефлексия – это процесс, в котором человек размышляет о себе через призму возможного мира. Таким образом, он может лучше понять себя и свои субъектно-объектные отношения с миром.

Отношения между возможными и вымышленными мирами

Ранее мы уже выдвигали предположение [Жданко, 2024, 74-78] о том, что в результате своего развития понятие возможных миров постепенно начало концептуально сближаться с понятием вымышленных миров. С точки зрения опосредованной авторефлексии можно рассмотреть гипотезу о том, что возможные и вымышленные миры могут иметь различные отношения. Условно их можно разделить на генерирующие и конституирующие.

В данном контексте для вымышленных миров характерны генерирующие отношения в процессе взаимодействия. Они могут проявляться как прямо, так и косвенно, включая в себя элементы взаимодействия, влияния и даже взаимопроникновения.

Примером генерирующих отношений между вымышленными и возможными мирами является влияние через культурные, социальные или идеологические процессы. Это может происходить через литературу, кино, видеоигры и другие формы искусства, которые могут формировать представления людей о возможных мирах, созданных в контексте конкретного произведения. Здесь мы можем наблюдать подтверждение тезиса о том, что возможные и вымышленные миры становятся все более и более тождественными с позиции своего концептуального содержания.

При этом, с точки зрения генерирующих отношений, возможные миры могут быть рассмотрены, как компиляция множественных фрагментов информации, воспринятых из различных источников. Эти разрозненные фрагменты усваиваются, систематизируются и преломляются через наше критическое восприятие. В результате мы получаем некий интеллектуальный опыт, который взаимодействует с нашим восприятием окружающей действительности. Последнее неоднократно деконструирует и «пересобирает» образы в нашем сознании, порождая качественно новые возможные миры. Итогом этого процесса становится концепция, на основе которой автор «генерирует» вымышленный мир произведения.

Другой вариант отношений возможных и вымышленных миров – конституирующие отношения. Возможные миры выступают в качестве «кузницы» и хранилища для различных идей и концепций, где они «отшлифовываются» и консервируются, чтобы в дальнейшем быть реализованными в действительности, став источниками вдохновения для научных исследований и технологических разработок. Другими словами, происходит процесс упорядочивания, систематизации и формирование корпуса текстов, которые содержанием своих миров конституируют образы возможных миров. Важно оговориться, что здесь мы используем этот термин в самом широком смысле, подобно постструктуралистам, понимая под текстом не только литературу в привычном виде, но и другие виды нарратива (визуальный и аудиальный, примерами которых могут служить компьютерные игры, комиксы, кинематограф, анимация, музыка, соответственно).

Иллюстрацией конституирующих отношений между мирами является влияние сюжетов «твердой» научной фантастики на научно-технический прогресс в XX в. Здесь примером может служить творчество классиков научной фантастики: А. Кларка и А. Азимова. В основе создаваемых ими сюжетов лежали реальные научные теории и идеи. На основе своих знаний они создавали образы отдаленного будущего, привнося в них образы и концепции реального мира. Порой это предвосхищало открытия и технические достижения последующих лет. Так, в романе «Фонтаны рая» (1979) [Кларк, 2019, 26] Кларком описывается идея космического лифта. На сегодняшний день реализация подобного проекта невозможна в силу экономических и технических причин. Однако, на протяжении многих лет научное сообщество активно обсуждает создание данной технологии и формулирует варианты того, как воплотить ее в жизнь.

Схожую ситуацию мы можем видеть и в случае с произведениями А. Азимова. Самый простой и очевидный пример – тема искусственного интеллекта в творчестве писателя. Одной из ключевых идей, которая лежит в основе исследований в области искусственного интеллекта и робототехники, в целом, являются «законы Азимова» [Азимов, 2022. 43-71], сформулированные автором на страницах его книг. Также им было предложено название, которое в будущем закрепилось за новой наукой.

Важную роль в процессе конституирования играет реализация, когда вымышленный мир и, являющийся его частью, образ будущего становятся возможностью. Возможность, в данном случае, это момент, когда идея, высказанная в фантастическом произведении, начинает

воплощаться в реальность. Например, через обсуждение специалистами того, как в теории та или иная вымышленная технология могла бы быть создана на практике.

Яркий пример – культовая медиафраншиза «Звездный путь». Наряду с научно-популярными работами А. Кларка детище американского сценариста Д. Роденберри предвосхитило технологии мобильного телефона, bluetooth, автоматической двери и т. д. Также вспомнить способ межзвездного перемещения (варп-двигатель), описанный в самом первом сериале и ставший «визитной карточкой» франшизы. Сегодня нам известна теория «пузыря Алькубьерре» [Alcubierre, 1994, 73-77], являющаяся попыткой предложить воплощение технологии из произведений франшизы в реальности. Автор теории, мексиканский физик, М. Алькубьерре был вдохновлен просмотром сериала.

Таким образом, можно заключить, что вымышленный мир художественного произведения, предлагающий образ некоего будущего со временем начинает приобретать статус возможного мира. Это происходит благодаря конституированию реальности посредством воплощения в жизнь отдельных элементов вымышленного мира силами специалистов, которые были вдохновлены тем или иным произведением.

Модальные и модельные логики

По мере развития и формирования научной картины мира наши представления о возможности или невозможности чего-либо находят отражение в вымышленных мирах. С этой точки зрения возможный мир – это потенциальное положение дел, к которому реальный мир может прийти, удовлетворив определенные условия. При таком раскладе вымышленные миры выполняют роль «черновика», в рамках которого сочетание различных условий позволяет выдвинуть предположение о возможных путях развития реального мира.

Отношения между возможными и вымышленными мирами могут быть изучены с помощью таких подходов, как модельная и модальная логики.

Модельные логики позволяют анализировать возможные миры как абстрактные структуры, а модальные логики – как конкретные события и явления.

Возможные миры можно рассматривать в качестве объекта модальной логики. Иллюстрацией может служить проведенный нами ранее обзор существующих концепций и подходов к проблеме возможных миров. В данном случае речь идет об изучении возможных миров в контексте конкретных событий и явлений. Они используются для анализа модальностей, то есть способов выражения возможности, необходимости, вероятности и других аспектов реальности.

Однако, возможные миры могут быть рассмотрены и как абстрактные структуры, не связанные с конкретными событиями или явлениями. В данном случае они используются для анализа логических следствий и противоречий в различных системах знаний. Следовательно, здесь более правильным будет обращение к модельной логике – направлению математической логики, в котором понятие возможного мира используется для определения условий истинности высказываний. Примером такого подхода могут служить каузальная теория референции и теория жестких десигнаторов С. Крипке [Kripke, 1980, 26.].

Модельная логика позволяет более глубоко и всесторонне изучить возможные миры как абстрактные структуры, которые могут быть описаны с помощью формальных языков и логических систем. Она позволяет исследовать логические следствия и противоречия в различных системах знаний, и может быть использована для анализа различных областей

знаний.

С другой стороны, ранее мы ввели новый термин – вымышленные миры. Также следует учесть выделенные нами типы отношений между мирами. Отсюда можно сделать вывод о необходимости разведения модальных и модельных логик, как разных вариантов в вопросе их использования при рассмотрении возможных миров. Такой вывод обусловлен тем, что каждая из логик преобладает в случае с определенным типом миров.

Возможные миры носят когнитивный характер, абстрактны и идеализированы, при всей схожести с реальным миром они автономны, т. е. изначально здесь преобладает модельная логика.

В качестве примера мы можем взять культуру интеллектуального досуга. Какими бы абсурдными не выглядели бы условия и вводные для головоломки, в рамках мира это возможно и для его реалий это нормально. Даже если мы извлечем условного наблюдателя (а вместе с ним и присутствие нашей действительности) это никак не повлияет на устройство этого мира и его законы. Он продолжит существовать дальше.

В свою очередь вымышленные миры, наоборот, субъективны. Они придумываются автором и определяются его личными нормами, но за основу берется наш мир, его законы и события, пусть и в преломленном виде. Напомним, что все это преломляется, помимо прочего, через восприятие автора. Наш мир с самого начала влияет на формирование вымышленного с помощью различных факторов (настроение, мировоззрение, предпочтения и т. д.). Соответственно, при анализе вымышленных миров мы уже не сможем абстрагироваться от параллелей и сравнений с нашей действительностью. Таким образом, при обсуждении вымышленных миров мы можем наблюдать преобладание модальной логики.

Если возможные миры, пусть и используя абсурд и абстракцию, строятся на стремлении к объективности, то вымышленные миры в выстраивании образов неразрывно связаны с личностью и сознанием автора, не всегда в полной мере отражая реальное положение дел. Этот тезис хорошо иллюстрируется мыслью, высказанной персонажем романа С. Лема «Солярис» Снаута, сказанные им во время спора с Кельвином относительно попыток Океана связаться с ними через фантомов, знакомых им людей, и того, как человек эти попытки воспринимает: «Не ищем никого, кроме людей. Не нужно нам других миров. Нам нужно зеркало. Мы не знаем, что делать с иными мирами [...] Мы хотим найти собственный, идеализированный образ, это должны быть миры с цивилизацией более совершенной, чем наша. В других надеемся найти изображение нашего примитивного прошлого, в то же время по ту сторону есть что-то, чего мы не принимаем, от чего защищаемся» [Лем, 2015, 37].

При обсуждении понятия опосредованной авторефлексии важную роль играет термин «Мыслитель».

Мыслитель – это идеальный интеллектуальный субъект, наш образ, который мы проецируем в представленный нами возможный мир с целью его рассмотрения. Это абстрактная сущность или структура, которая не связана с конкретными событиями или явлениями. Это позволяет ему анализировать свои собственные мысли и действия, а также возможные миры, в которых он может существовать. Важным инструментом Мыслителя выступают, т. к. они позволяют ему описать свои мысли и действия, а также проанализировать возможный мир, в котором он находится.

В то же время мы можем определять Мыслителя по-разному. Если мы используем модальную логику, то здесь нами может быть применена методология Р. Смаллиана [Смаллиан, 2013, 221] и данное им определение мыслителя. Прибегнув к модельной логике, мы обнаружим,

что понятие «Мыслитель» расширяется и становится комплексным. В данном контексте Мыслителем может считаться не только агент, но и «формальная антропология», населяющая тот или иной мир. Здесь Мыслитель – это категория, включающая в себя, как и агента, так различные виды «формальных антропологий».

В обоих случаях бытие Мыслителя тесно связано с формальными языками и логическими системами. Их субъектно-объектные отношения также зависят от того, какую логику мы используем. В модальной логике Мыслитель выступает в роли объекта, который может быть описан с помощью формального языка и логических систем. Однако в контексте модельной логики они меняются местами и уже Мыслитель становится субъектом, который использует эти инструменты для описания своих мыслей и ощущений, а также в качестве средства коммуникации. Также мы можем видеть, что с изменением отношений меняется и назначение упомянутых формального языка и логических систем. В рамках модальной логики они призваны лишь описать Мыслителя, его свойства и охарактеризовать в целом. В случае с модельной логикой, с обретением субъектного характера, задачи и цели описательных инструментов, как и само смысловое содержание Мыслителя, расширяется.

Понимание Мыслителя как нашего образа возвращает нас к определению опосредованной рефлексии. Можно предположить, что при создании возможных миров мы «разделяем» свою сущность на части, приписывая одной из них новые черты и искажая ее до неузнаваемости. В дальнейшем эти части противопоставляются и на их контрасте мы можем получить представление о тех сторонах нашего мышления, которые недоступны нам при других подходах и методах.

Таким образом, мы можем говорить о существовании двух типов Мыслителя. Здесь можно провести аналогию с идеей Ф. Шеллинга о двух типах гения в науке [Шеллинг, 1999, 301], являющихся иллюстрацией тетрады, которая состоит из первичного (темного) тезиса вне сознания, тезиса, антитезиса и ясного синтеза. Ф. Шеллинг говорит, что гений 1 типа выдвигает тезис, начиная процесс осмысления и давая науке стартовую точку. Выдвинутый тезис представляет собой концепт, сформулированный посредством интуитивного знания, т. е. извлеченный из коллективного бессознательного и получивший конкретные очертания. В дальнейшем тезис развивается и дорабатывается, обрастая новыми понятиями и параметрами. Однако он неизбежно приводит к кризису. В результате кризиса развития тезиса возникает застой, который провоцирует формулировку одного или нескольких антитезисов. Антитезис может быть рассмотрен как попытка решить появившуюся проблему путем кардинального пересмотра устоявшихся представлений. Проблема заключается в том, что таких антитезисов может быть несколько и они не коррелируют друг с другом. Отсюда вытекает диалектическое противоречие. Снятие подобного противоречия происходит благодаря гению 2 типа. Он осуществляет синтез, завершая обсуждение и осмысление того или иного феномена [Николин, 2012? 53-54.].

Можно предположить, что Шеллинг, в некоторой степени, предвосхитил один из основных диалектических законов, сформулированных Г. В. Ф. Гегелем [Гегель, 2019, 182-216], закон перехода количества в качества. Гегель рационализировал идеи Шеллинга, но пришел к тому самому кризису, поскольку развитие диалектического метода вступило в противоречие с идеалистическим пониманием мира. Снятие противоречия произошло благодаря К. Марксу, который придал диалектике материалистический характер, выведя ее на новый уровень. Другими словами, позволил совершить скачок в развитии, который схож по смысловому содержанию с ясным синтезом у Шеллинга.

Точно также обозначенные нами вариации Мыслителя знаменуют собой процесс выстраивания отношений между возможными и вымышленными мирами. По мере взаимодействия происходит расширение внутреннего содержания и смена ролей субъектно-объектных отношениях. Став из части высказывания самостоятельной моделью, Мыслитель дает ответ на высказанные вопросы и предположения. Подобно тому, как гении 1 и 2 типов начинают и завершают процесс научного исследования, модальный и модельный Мыслители «закольцовывают» диалог между вымышленными и возможными мирами и показывают постепенный переход генерирующих отношений между ними в конституирующие.

Отсюда следует вывод, что при обсуждении вымышленных и возможных миров недостаточно опираться только на модальную или модельную логику. Каждая из них выступает лишь стартовой точкой для формулирования тезиса, коим может быть и сам Мыслитель, как олицетворение мира определенного типа. Использование только одной из двух логик приведет нас к описанному диалектическому противоречию между тезисами, имеющими различные основания. Возможен вариант, когда мы признаем взаимосвязанность двух логик и, соответственно, двух типов Мыслителей. Однако это мало поспособствует решению сложившейся проблемы: мы получим более глубокое понимание внутреннего содержания Мыслителей, но противоречие по-прежнему не будет снято. Решением может стать переход от формально-логического подхода к диалектическому. В сущности, перед нами пример единства и борьбы и противоположностей. В рамках противоречия Мыслители все больше и больше взаимодействуют, углубляют и усложняют себя, но они ограничены уровнем формальной логики и их осмысление, понимание их сущности, не может получить дальнейшего качественного развития. Необходим методологический скачок, который переведет их на новый уровень. Такой скачок может быть осуществлен благодаря введению новых понятий: логики модальностей и логики моделей.

Важно уточнить, что модальная логика и гипотетическая логика модальностей – разные понятия.

Модальная логика, будучи разделом формальной логики, предлагает нам ограниченный набор аналитических инструментов, операторов. Каждый из операторов жестко привязан к определенному параметру, от соответствия которому напрямую зависит истинность или ложность высказывания. И здесь следует задаться двумя вопросами:

1) можем ли максимально полно оценить и охарактеризовать модальность как феномен при условии ее понимания как отношения, формирующего связь между двумя объектами семантического высказывания?

2) можем ли мы с помощью ограниченного набора инструментов описать новые явления в рамках модальности?

Наиболее очевидный вариант – попытаться ввести новый оператор для конкретного случая, но будет ли он обозначать совершенно новый параметр? Скорее это будет новая вариация того же условия, которое было одним из заданных изначально. Это обусловлено ограничениями, которые налагаются законами формальной логики. Соответственно, для введения совершенно новых параметров нам необходимо преодолеть ограничения этих законов. Мысль не нова, именно она лежит в основе паранепротиворечивых логик, которые критикуют, например, закон исключенного третьего. Смысл заключается не в том, чтобы создать очередную паранепротиворечивую логику, а в ее задаче – понять механизм работы параметров, лежащих в основе логических операторов. Подобно тому, как изучение внутренней структуры атома расширяет понимание химических и физических процессов, осмысление внутренней структуры

параметров откроет перспективу проектирования новых. Отправной точкой может служить идея Н. А. Васильева об акцидентальном суждении – суждении о правиле или понятии, которое выражает определенное отношение между понятиями и обосновывает их частичное совпадение [Васильев, 1989, 12-53.]. Такое суждение, по Васильеву, предполагает необязательность признака Р для субъекта S. В рамках возможной логики модальностей следует рассматривать модальность как акцидентальное суждение. Благодаря данному подходу операторы, отвечающие за формирование модальности, становятся независимыми частями. Следовательно, мы можем беспрепятственно извлечь операторов из модальности и попытаться разложить его на составляющие в отрыве от остальных.

Заключение

Примечательно, что в таком случае модальность, по сути, становится абстрактной моделью. Это позволяет говорить о возможности формирования еще одного направления – логики моделей. Разница между двумя логиками, на наш взгляд, будет заключаться в ракурсе, с которого мы рассматриваем модальность. Рассмотрение модальности как акцидентального суждения позволяет сформировать представление о ее внутренней структуре. Другими словами, это взгляд на «субатомном уровне». В свою очередь представление модальности в качестве чистой модели – это взгляд извне. Здесь можно провести аналогию с теорией Пуанкаре [Бессьер, Бессон, Буало, 2019, 53-69], где трехмерное пространство также представляется чистой моделью с точки зрения четырехмерного пространства. Исходя из всего ранее сказанного, задача логики моделей заключается в извлечении модальности из поля семантического высказывания и в ее превращении в чистую модель для последующего рассмотрения в качестве отдельного феномена.

При этом будет некорректным считать, что описанные нами гипотетические логики – это два обозначения одного и того же явления. Наоборот, обе логики представляют собой взгляд на один объект с противоположных сторон. Они, без сомнения, тесно взаимосвязаны, поскольку представляют собой пример синтеза двух тезисов, который является результатом качественного скачка, снимающего диалектическое противоречие.

Библиография

1. Жданко К. Е. Роль вымысла в конструировании возможных миров: междисциплинарный аспект. // Научное мнение: научный журнал. 2024. № 1-2. С. 74-78.
2. Кларк А. Фонтаны рая. М.: АСТ, 2019. 352 с.
3. Азимов А. Я, робот. М.: Эксмо, 2022. 320 с.
4. Alcubierre M. The warp drive: hyper-fast travel within general relativity. // Classical and Quantum Gravity. 1994. Volume 11. P. 73-77.
5. Kripke S. Naming and necessity. Blackwell, 1980. 92 p.
6. Лем С. Солярис. М.: АСТ, 2015. 288 с.
7. Смаллиан Р. Вовсе неразрешимое: Путь к Гёделю через занимательные загадки. М.: Канон +, 2013. 305 с.
8. Шеллинг, Ф.В.Й. Система мировых эпох: Мюнхенские лекции 1827-1828 гг. в записи Эрнста Ласо. Томск: Водолей, 1999. 320 с.
9. Николин, В. В. Вечное и бесконечное как две схемы онтологии у Шеллинга // Вестник Омского университета. 2012. №1. С. 53-54.
10. Гегель, Г. В. Ф. Наука логики. Минск: Харвест, 2019. 416 с.
11. Васильев Н.А. Избранные труды. М.: Наука, 1989. С. 45-50.
12. Бессьер Л., Бессон Ж., Буало М. Доказательство гипотезы Пуанкаре (по работам Г. Перельмана) // Математическое просвещение. 2019. № 24. С. 53-69.

Mechanisms of mediated autoreflexion in the framework of possible and fictional worlds

Kirill E. Zhdanko

Postgraduate student,
Department of Philosophy,
Omsk State Pedagogical University,
644099, 14, Tukhachevsky emb., Omsk, Russian Federation;
e-mail: mail@omgpu.ru

Abstract

This article investigates the mechanisms of mediated self-reflection that emerge through the creation of possible and fictional worlds. The study examines two fundamental categories—possible worlds and fictional worlds—analyzing their interaction and interdependence. The research explores literature's role in shaping worldviews, with particular emphasis on how intellectual leisure culture and fantasy influence the construction of authorial images. The article introduces the concepts of modal and model logics, analyzing their significance in world interpretation and emphasizing the necessity of considering both logics for a comprehensive understanding of artistic practices. Through examples from classic science fiction, the study demonstrates processes of world constitution and generation in authors' creative works, revealing how these narrative constructs facilitate unique forms of self-reflection. The analysis highlights the dialectical relationship between imagined realities and cognitive processes, offering new perspectives on the philosophical significance of world-building practices.

For citation

Zhdanko K.E. (2025) Mekhanizmy oposredovannoy avtorefleksii v ramkakh vozmozhnykh i vymyshlennnykh mirov [Mechanisms of Mediated Self-Reflection Within Possible and Fictional Worlds]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 14 (5A), pp. 51-60.

Keywords

Possible worlds, fictional worlds, modal logic, model logic, dialectics, science fiction

References

1. Zhdanko, K.E. (2024). Role of Fiction in Constructing Possible Worlds: An Interdisciplinary Perspective. *Scientific Opinion Journal*, No. 1-2, pp. 74-78.
2. Clarke, A.C. (2019). *Fountains of Paradise*. Moscow: AST Publishing House, 352 pages.
3. Asimov, I. (2022). *I, Robot*. Moscow: Eksmo Publishers, 320 pages.
4. Alcubierre, M. (1994). "The Warp Drive: Hyper-Fast Travel Within General Relativity." *Classical and Quantum Gravity*, Vol. 11, pp. 73-77.
5. Kripke, S.A. (1980). *Naming and Necessity*. Oxford: Basil Blackwell Ltd., 92 pages.
6. Lem, S. (2015). *Solaris*. Moscow: AST Publishing House, 288 pages.
7. Smullyan, R. (2013). *Forever Undecided: A Journey to Gödel Through Entertaining Puzzles*. Moscow: Canon+ Publishers, 305 pages.
8. Schelling, F.W.J. (1999). *System of World Ages: Munich Lectures 1827-1828* Transcribed by Ernst Lasso. Tomsk: Vodolei Publishing House, 320 pages.

9. Nikolin, V.V. (2012). "Eternal and Infinite as Two Ontological Schemes in Schelling's Philosophy." *Bulletin of Omsk University*, No. 1, pp. 53-54.
10. Hegel, G.W.F. (2019). *Science of Logic*. Minsk: Harvest Publishing House, 416 pages.
11. Vasilyev, N.A. (1989). *Selected Works*. Moscow: Science Publishers, pp. 45-50.
12. Besier, L., Besson, J., Boileau, M. (2019). "Proof of Poincaré Hypothesis Based on Perelman's Work." *Mathematical Enlightenment Magazine*, No. 24, pp. 53-69.